

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА

ученика Иркутской семинаріи, высшаго отдѣленія, Егора Добросердова, (1) командированнаго въ Іюль 1831 года, по распоряженію Его Высокопреосвященства, Преосв. Архіеп. Ириней, въ улусы Бурятъ Аларскаго, Балаганскаго и Идинскаго вѣдомствъ, въ качествѣ миссіонера—съ свящ. Ник. Комаровскимъ. (2)

Іюля 23, 1831 г. Утромъ мы были, по приказанію Высокопр. Ириней, въ крестовой—за ранней, послѣ коей въ его присутствіи, слушали въ папутиѣ собѣ молебствъ. Замѣчательно, при этомъ, было то для меня, что при чтеніи Евангелія, разогнутаго самимъ святителемъ надъ главами нашими, {унылый и первѣнительный доселѣ,—отдаться подлежащему мнѣ дѣлу всецѣло,—

(1) Въ настоящее время нашего Архиаствія, Преосвященнѣйшаго Герасима, Епископа Астраханскаго и Енотаевскаго. Ред.

(2) Предъ самымъ отправленіемъ Преосвященнѣйшіи Архїепископъ Ириней далъ писанное наставленіе слѣдующаго содержанія:

Ученику Богословія Егору Добросердову.

Отправляя тебя вѣропроповѣдникомъ къ Бурятамъ Кудинскимъ, Тувинскимъ, Куйскимъ, Аларскимъ, Балаганскимъ, Идинскимъ, Манзурскимъ и Косостенскимъ, съ коими познакомятъ тебя приходскіе священники, нахожу нужнымъ сказать тебѣ—съ спутникомъ твоимъ въ наставленіе слѣдующее:

1-е Отнюдь ни гдѣ не именовать себя проповѣдникомъ, а—въ видѣ простаго посѣтителя, или гостя предлагать бесѣду свою посѣщаемымъ тобою Бурятамъ, и въ особенности ихъ Тайшамъ, Шуденгамъ и Старшинамъ, объ обращеніи ко Христу, на основаніи Его-же словесъ: Покайтесь, и вѣруйте во Евангеліе (Марк. 1, 15). Если ты понимаешь смыслъ оныхъ словъ во всемъ ихъ пространствѣ; то вѣтъ тебѣ нужды ни въ пространномъ моемъ наставленіи, ни въ излишней съ твоей стороны заботливости: како или что возглаголешь (Лук. 21, 14)?

2-е Токмо покажи при семъ случаѣ: чистую Христіанскую любовь, всю вѣру и пламенное усердіе къ спасенію сихъ, въ невѣдѣніи живущихъ племенъ; исполни на дѣлѣ и во всѣхъ поступкахъ своихъ то святое ученіе, которое другимъ проповѣдывать и внушать взялся. Ты достигнешь предположенной цѣли обращенія сихъ племенъ къ вѣрѣ во Христа не иначе, какъ кротостію, любовію, терпѣніемъ и вообще примѣрно добрыми поступками.

3-е Докажи своимъ безкорыстіемъ паче, что вѣра Христіанская и законъ ея есть совершеннѣйшій и превосходитѣйшій. Святость твою кабудетъ доказательствомъ святости Христіанства.

4-е Предлагать крещеніе должно уже по довольномъ наученіи и утвержденіи въ вѣрѣ; безъ чего крещеніе людямъ, не понимающимъ смысла Христіанскаго ученія, преподаваемое, есть прямое злоупотребленіе одного изъ величайшихъ таинствъ Христіанства.

5-е Ни какихъ не пристойныхъ и дозванія проповѣдническаго не касающихся разглашеній не чинить, особливо въ разбирательство мірскихъ дѣлъ не входить, и ни каковои власти не ослаблять ни явными, ни тайными внушеніями.

вдругъ я почувствовалъ, что въ меня, какъ бы бодрость вселилась и сила къ предстоящимъ подвигамъ, сопряженнымъ для меня съ немалыми по неопытности моей и по недоброхотству ближайшаго ко мнѣ начальства — затрудненіями. Я какъ орелъ въ обповленной юности, укрѣпился при этомъ и — была на самыя *раны готовъ* (Ис. 37, 18), и часа въ три отправился уже съ воодушевленіемъ въ путь мой.

Впрочемъ, отъѣхавъ верстъ пять, при видѣ Вознесенской обители мнѣ невольно сгрустнулось: тутъ была могила от. іеромонаха Нифонта, котораго любило сердце мое и который годовъ до 4-хъ почти былъ коротко знакомъ мнѣ и помогалъ иногда мнѣ своими совѣтами.. Отпѣвъ молебень свят. Иннокентію, мы зашли на могилу о. Нифонта, гдѣ за панихидой молили Господа успокоить его въ лонѣ Авраамовомъ, гдѣ добродѣтель торжествуетъ, блаженствуетъ; гдѣ Самъ Господь отираетъ слезы земныхъ тружениковъ, работавшихъ Ему со страхомъ. Долго и послѣ стоялъ я близъ этой могилы — съ моими спутниками — и учился жить у мертваго. (1)

Прибывъ послѣ сего на станцію *Зуй*, мы останавливались здѣсь, часа на два и отправились далѣе. Вечеръ былъ прекрасный. Пѣніе птицъ, разнообразіе деревъ и благоуханіе цвѣтовъ доставляли моему сердцу невыразимое утѣшеніе, такъ что не ошутительно мы подвѣхали къ рѣкѣ *Китюю*, чрезъ которую переправясь благополучно пристали на почлегъ къ священнику *Валитуйской* церкви о. Николаю Казанцеву. Супруга его приняла насъ съ радостію. Чрезъ полчаса явился и самъ онъ.

24 числа Юля. Отблагодаривъ священника за гостепріимство, въ 9

6-е Старайся при обращеніи ихъ въ Христіанскую вѣру, употреблять больше духовными нежели мірскія побужденія, такъ чтобы сіи послѣдніи служили нѣкоторымъ возмездіемъ, а не приманкою.

7-е Внуши имъ ту довѣренность ко мнѣ, что они могутъ относиться ко мнѣ съ требованіемъ совѣта, не только въ дѣлахъ, касающихся вѣры христіанской, но и вишнихъ обстоятельствъ своихъ, какаго бы роду онѣ ни были. Я готовъ, по Евангелію, душу свою положить за нихъ, если только они будутъ овцами стада Христова.

8-е Какой будетъ успѣхъ посольства твоего, о томъ, равно и объ издержкахъ долженъ ты дать мнѣ, по возвращеніи своемъ, подробный отчетъ — съ приложеніемъ журнала занятій твоихъ и замѣчательныхъ событій, во время путешествія твоего.

9-е Наконецъ Господь Богъ да благословитъ входы и исходы твои, во славу возлюбленныхъ Его церкви предпріемлемыхъ! Сіе благословеніе Божіе призываетъ на тебя

П р и е й, Архієпископъ Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій.

20-го Юля 1831-го года. Иркутскъ.

(1) Покойный — мѣсяца за два до смерти — выѣзжалъ изъ Иркутска, по порученію Пр. Принца, въ качествѣ миссіонера въ Тунгскіе улусы и греблялъ тамъ до 500 бурятъ.

часовъ мы отправились въ *Тельминскую фабрику*, гдѣ свещ. Ал—ръ Пономар. принялъ насъ съ радостію; въ церкви нашли мы такую чистоту, опрятность и порядокъ, какихъ нигдѣ не видали. Мы говорили о назначеніи сюда діакона, по благословенію Архiepистыря нашего, чему о. Ал—ръ былъ радъ.

Пробывъ у него около 2-хъ часовъ мы отправились въ *Усолге*, гдѣ и избрали для себя квартирою домъ здѣшняго діакона Николая. Были у вечерни; ибо спутникъ мой о. Николай желая воздать, какъ бы долгъ своему наставнику, покойному о. Нифонту, рѣшился отслужить здѣсь по немъ обѣдню. Послѣ обѣдни мы отслужили паннихиду.

Въ 2 часа *25 Июля* мы отправились въ с. *Малыгу*. Хотя и не было при здѣшней церкви мѣтнаго священника, однако въ ней все приведено было въ должный порядокъ, оставнымъ Ускудукской Троицкой церкви священникомъ Іоанномъ, посланнымъ сюда по распоряженію благочиннаго, для служенія и исполненія требъ. Помолившись Господу, мы отправились въ с. *Тайтурку* и дивились на пути, при видѣ дивной панорамы, — чудному пересту Всевышняго, который, поставивъ *горы въ мѣрилахъ и холмы въ вѣсь* (Исаи 40, 12), все привелъ въ безпримѣрное устройство. За тѣмъ, пробывъ въ с. Ускудукскомъ съ часъ — у родной моей тетки — мы отправились въ с. *Вильскъ*, гдѣ я родился. Родители мои встрѣтили меня — съ радостію, не зная еще ничего о цѣли моего пути. Вечеръ весь и до поздней ночи проведены мною въ сладкой бесѣдѣ съ ними.

26 Июля. Услышавъ звонъ къ утрени, мы, не медля, пошли въ церковь. Послѣ литургіи и обѣда, я стороною завелъ разговоръ съ моей матушкой „о намѣреніи моемъ“ посвятить себя, согласно желанію, между прочимъ, и „Владыки, Христу и, оставивъ міръ, идти въ монахи, по окончаніи курса“; при чемъ уговаривалъ ее — родную мою — не грустить и не печалиться, но благословить меня; тѣмъ болѣе, что и сама она вѣдала изъ отзывовъ отца своего, а моего дѣда о моемъ призваніи....

Но она жаловалась на бѣдность и старость — съ родителемъ моимъ, и я противопоставлялъ ей — надежду на Бога; по случаю же высказываемой трудности для нея пожертвовать мною — первенцемъ и любимымъ своимъ дѣтисцемъ, я говорилъ ей, что Самъ Господь заповѣдалъ первенцу народовъ — Израилю посвящать Себѣ на служеніе первенцевъ; не говоря уже о томъ, что для благочестія и любви нѣтъ препонъ къ соединенію; что разлука лишь

болѣе питаетъ и воспаляетъ ихъ. Вздохи ея при этомъ и слезы сильно меня тронули, но не поколебали: съ слезами я уговаривалъ ее благословить меня на вступленіе въ иноческое званіе. Припоминалъ ей собственныя же ея наблюденія, касательно меня, съ самаго младенчества.... Послѣ долговременнаго увѣщанія она подала знакъ согласія и я, будучи несказанно обрадованъ, не разъ кланялся ей въ ноги и лобызалъ ея руки....

27-го дня. Переночевавъ здѣсь, мы рѣшились немедленно отправиться въ путь. Но при видѣ скорби и слезъ матушки, я долженъ былъ опять утѣшать ее, при чѣмъ имѣлъ съ собою помощниковъ и родителя моего, который давно уже—въ тайнѣ сердца своего—обрекъ меня въ монашеское званіе. Оба мы со слезами ее уговаривали; смотря на насъ и все родные, слушающіе насъ, также плакали и утѣшали не утѣшно рыдающую матушку. Побѣжденная, казалось, общей, усиленной мольбой, она рѣшилась искать отрады своему сердцу у благосердой Владычицы; почему все мы пѣли молебень и все плакали при этой разлукѣ. На конецъ, мы отправились съ о. Никол. и благополучно прибыли въ одинъ изъ улусовъ—Бурятъ *Аларскаго вѣдомства*—въ улусъ Шулепки третьяго рода, —*Бордоная Поргоева.*

От. Никол. и я, бесѣдовали здѣсь, съ *Хоба-ракомъ*, или ученикомъ Ламы, въ родѣ причетника по нашему, о важности и необходимости крещенія, для очищенія скверны грѣховной. Онъ спорилъ со мною, говоря, между прочимъ, что кто—въ какой вѣрѣ родился, живетъ, тотъ такъ и живи, оставайся; что, какъ между деревьями есть разность: не все деревья на пр. сосны, березы, есть тополи, ели и пр.; такъ и между людьми. Вы—русскіе—будьте *Русскими* на здоровье, а мы Бурята останемся—*Бурятами* съ своей праотеческой вѣрой. Опровергнувъ его первое положеніе, я тотчасъ же—возразилъ: ты говоришь, что каждый изъ насъ долженъ оставаться при вѣрѣ предковъ; а за чѣмъ же ты съ Ламой преслѣдуешь шаманство? За чѣмъ вводите вы то, что лѣтъ какихъ нибудь за 25 повсе здѣсь не бывало? Хозяинъ юрты и многіе изъ его подчиненныхъ не безъ удовольствія, казалось, видѣли замѣшательство недолюбливаемого ими представителя Ламаизма, по сильной привязанности своей къ шаманству....

Выѣхавъ отсюда мы прибыли не ранѣе полночи въ село—*Голуметь* и пристали у святи. о. Евѳимія Амвросова, который очень былъ радъ нашему приѣзду. Во всю эту ночь, до самаго разсвѣта, мы съ от. Николаемъ вели разговоръ и совѣтовались: какимъ образомъ дѣйствовать на Бурятъ?

28-е число. По утру сего дня, мы были въ церкви, въ коей все было въ порядкѣ. Къ сожалѣнію, каменная здѣшняя церковь, освященная покойнымъ Архіеп. Михаиломъ въ 1829-мъ году, очень растрескалась и ее уже запечатали. Въ сей церкви намъ понравилась живопись и рѣзба иконостаса. Послѣ осмотра церкви, мы были у свящ., о. Михаила Конолова, и имѣли разговоръ съ сыномъ его дьячкомъ — Прокопиемъ, который лишился ума, въ 1830 г. 21 Мая. Причиною сего, не безъ основанія, полагають дурное воспитаніе и худое поведеніе, особенно же злость его матери.

О. Евѳимъ, какъ родныхъ, угощалъ насъ, почитая себя счастливымъ, что, представился случай — къ благотворительности. Простота его, радушіе, скромность супруги его очень намъ понравились, и мы рѣшились, не искать для себя — другой квартиры; тѣмъ паче, что упомянутый Св — къ почелъ бы себя, въ такомъ случаѣ обиженнымъ. Послѣ обѣда, я училъ малютку — крестница о. Нифонта изъ Тупкинск. бурятъ. День былъ пасмурный, дождливый и мы ни куда ни выходили.

29-го дня. Въ сей день, по причинѣ дурной погоды, мы также просидѣли почти безъ исхода въ домѣ упомянутаго Св — ка, совѣтуясь о мѣрахъ дѣйствования на бурятъ; готовили письма въ Иркутскъ; и разграфливали тетради, необходимыя для письма. Подъ вечеръ, были у дьячка, брата — Свяц — ка о. Евѳ.; — Ивана.

30 Июля. Сего числа отправились мы въ *Аларскую Думу* бурятъ, дабы, извѣстивъ Тайшу о прибытіи нашемъ, тѣмъ удобнѣе и безпрепятственнѣе имѣть вліяніе на Шуленегъ и Старшинъ — прочихъ улусовъ, т. е. — поселеній бурятскихъ. Разстояніе отъ Голумети до Думы, верстъ, полагають, 30-ть.

Мы прибыли часу въ 12-мъ ночи и рѣшились не являться къ Тайшѣ до утра. Впрочемъ ему немедленно дано было знать о нашемъ пріѣздѣ.

31-е ч. Кумирня или капище, преисполненное идоловъ, стояло на единѣ, предъ нашими глазами. Лучи солнца ярко скользили по поверхности бѣлоу мѣдью обитой ея *бомбо*, или верхушки. Будучи служителями и жрецами вѣчной тьмы, Ламайцы имѣють и кумирню свою обращенною на западъ. Въ 10-мъ часу явился *Тайша*, человекъ молодой и умный, по имени Павелъ. Послѣ обычнаго привѣтствія, мы сказали ему о цѣли нашего путешествія. Выслушавъ насъ, онъ пожелалъ намъ — счастливаго пути, и отправился къ встрѣчѣ прибывшаго сюда исправника. Я съ о. Ник. пошелъ въ кумирню, предъ кою встрѣтилъ насъ самъ Лама — человекъ простодушный и съ ра-

достою показывалъ своихъ идоловъ. Послѣ осмотра кумирни, зашли мы и къ нему, по неотступной просьбѣ. По угощеніи, онъ проводилъ насъ пѣшкомъ, не менѣе версты. Замѣтивъ въ его юртѣ молодую буритку, которая, не взирая на обычную въ ихъ быту застѣчивость, держала себя развязно, какъ полная хозяйка и зная, что по ученію Ламайск. вѣры, Ламы не должны имѣть женъ, я завелъ рѣчь съ Ламою объ этомъ. Простодушный мой собесѣдникъ откровенно сознавался, что „трудно и невозможно ему жить холостякомъ и—безъ хозяйки; что, хотя и знаетъ онъ, что грѣшнѣе; но что же ему дѣлать“? А ты бы крестился, говорили мы съ о. Ник. ему. Нѣтъ, не крещусь я: мнѣ жить будетъ не чѣмъ и пр. Но безъ грусти расстались мы съ радужнымъ Ламою и отправились опять въ *Толуметь*, тѣмъ болѣе, что буряты, озабоченные пріѣздомъ исправника, не обращали на насъ вниманія, хотя *Тойша* отдалъ приказъ я Шуленгамъ и Старшинамъ дѣлать намъ всѣ нужныя пособія.

(Продолженіе будетъ).

П О В Ъ С Т Ъ

о Клангатаѣ сынѣ тэнгрія (духа),

Переводъ съ монгольскаго языка изъ сочиненія, „*Улигерунъ Далай*“ (море притчъ) или: сборника статей религіознаго содержанія.

Однажды я слышалъ слѣдующее:—такъ повѣствователь начинаетъ разсказъ свой:

Въ то время, когда всесовершеннѣйшій Будда пребывалъ въ лучезарной рошѣ, ⁽¹⁾ въ которой обитала птица *Галандага*, ⁽²⁾ въ пѣкоторомъ царствѣ жилъ богатый князь, который вовсе не имѣлъ дѣтей. Желая имѣть сына, онъ отправился на берегъ рѣки *Кланга* ⁽³⁾ гдѣ находилось капище

(1) Такъ называлось мѣсто, гдѣ Шакиджи-мунни, какъ великій учитель (Бурханы Бакини), проповѣдывалъ свое ученіе.

(2) Названіе баснословной птицы, походившей на сказочную „Жаръ птицу.“ Предположеніе это основывается на томъ, что, въ первомъ слогѣ наименованія птицы, слышится монгольское слово Кгаль „огонь.“ Можетъ быть отъ нее—то и самая роща получила названіе „Лучезарной“?

(3) Гангъ, или Гангесъ—рѣка въ Индіи, которая впадаетъ въ Бенгальскій заливъ; на берегу ея воздвигнуто было множество капищъ, или жертвенниковъ разнымъ божествамъ.